

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Абу-Новасе и трех юношах

Рассказывают также, что Абу-Новас остался в один день из дней наедине с собою и приготовил роскошное помещение, где расставил всякие кушанья и всевозможные блюда – все, чего пожелают уста и язык. А потом он вышел пройтись и поискать возлюбленного, подходящего этому покою, и сказал: "Боже мой, господин и владыка, прошу тебя, приведи мне кого-нибудь, кто подходит для этого покоя и годится, чтобы разделить со мной трапезу в сегодняшний день".

И не закончил он еще своих слов, как увидел трех безбородых красавцев, подобных юношам райских садов, но только цвета они были разного, а прелести их были сходны своей необычайности. И гибкость их членов возбуждала надежду согласно словам сказавшего:

Увидел я двух юношей и молвил:

"Влюбился я в вас", а юноши спросили:

"И деньги есть?" Сказал я: "Есть и щедрость"

Тогда они сказали: "Дело близко"

А Абу-Новас следовал этому толку и веселился и развлекался с красавцами, и срывал он розы с каждой цветущей щеки, как сказал поэт:

Вот старец великий, который влюблен.

Хорошеньких любит и радости он.

Хоть был он мосульцем в пречистой земле,

Один только Халеп он помнит всегда [400].

И Абу-Новас пошел к этим юношам и приветствовал их пожеланием мира, и они встретили его с наилучшим приветом и уважением, а потом хотели уйти в какую-то сторону, но Абу-Новас удержал их и произнес такие стихи:

"К другому вы не бегите

Со мною залежи блага.

Со мной блестящий напиток,

Монах его приготовил,

И есть у меня барашек

И всякого рода птицы.

Поешьте же и напейтесь

Вина, что заботы гонит,

Друг к другу любовь познайте,

И суньте меня меж вами".

И когда он обманул юношей своими стихами, они почувствовали склонность удовлетворить его и ответили..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят вторая ночь

Когда же настала триста восемьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Абу-Новас обманул юношей своими стихами, они почувствовали склонность удовлетворить его и ответили ему вниманием и повиновением. Они пошли с ним в его жилище и увидели, что все, что он описал в своих стихах, находится в доме, и сели и принялись есть и пить, и наслаждались и веселились. И они попросили Абу-Новаса рассудить, кто из них лучше по блеску и красоте и стройнее станом и соразмернее. И АбуНовас указал на одного из них, поцеловав его сначала два раза, и произнес такие стихи:

"Я душу за родинку отдам на щеке его,

Откуда мне денег взять, чтоб родинку ту купить?

Преславен, кто от волос очистил щеку его

И всей красоте отвел жилище в той родинке!"

А потом он указал на второго, поцеловав его сначала в губы, и произнес такие стихи:

"Возлюбленный! Он родинкой украшен,

Как мускусом на камфаре блестящей"

Ее увидев, взор мой изумился,

Она же мне: "Молитесь о пророке!" [401]

А потом он указал на третьего, поцеловав его сначала десять раз, и произнес такие стихи:

"В серебряном стакане плавит золото

Юнец, что выкрасил вином ладони.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Ходил он с кравчими и винной чашей,

Глаза же его с другими двумя ходили.

Прекрасный газеленок, дитя турок,

Влекут бока его Хонейна [402] горы.

Хотя в "кривом" душа и обитает,

Но сердцем среди "движущих" живу я.

Любовь ведет один в долины Бекра,

Другой в страну мечетей ее тянет".

А каждый из двух молодцов уже выпил по два кубка, и, когда дошла очередь до Абу-Новаса, он взял кубок и произнес такие два стиха:

"Вино ты берешь из рук газели изнеженной,

Что нежностью свойств тебе и винам подобна,

Вином насладиться могут пьющие лишь тогда,

Когда у поящего блистают ланиты".

И потом он выпил свою чашу, и она пошла кругом, и, когда очередь в другой раз дошла до Абу-Новаса, радость одолела его, и он произнес такие стихи:

"Своим сотрапезником ты кубок с вином назначь,

Друг друга сменяющий, пей кубок за кубком.

Из рук яркоустого и дивно прекрасного,

Что нежен, когда поспит, как плод или мускус.

Вино ты бери из рук газели изнеженной

Лобзанье щеки ее приятней вина мне".

И когда опьянение одолело Абу-Новаса и он не мог отличить руки от головы, он склонился к юношам, целуя их и обнимая и свивая ноги с ногами, не задумываясь о грехе и позоре, и произнес такие стихи:

"Вполне я наслаждаюсь лишь с юношей,

Что пьет, и с ним прекрасные вместе.

Один поет, другой же, когда его

Он тормозит, приветствует кубком.

И всякий раз, когда лобзанье нужно мне,

Кому-нибудь я губы целую.

На благо им! Приятен мой с ними день,

Дивлюсь я, как был он мне сладок.

И лью вино я чистым и смешанным

С условием: кто ляжет, тех любим!"

И когда они сидели так, вдруг кто-то постучал в дверь, и пришедшему позволили войти, и, когда он вошел, оказалось, что это повелитель правоверных Харун ар-Рашид. И все поднялись перед ним и поцеловали землю меж его рук, и Абу-Новас очнулся от опьянения, так как боялся величия халифа.

И повелитель правоверных сказал ему: "Эй, Абу-Новас!" И Абу-Новас ответил: "Я здесь, о повелитель правоверных, да поддержит тебя Аллах!" И халиф спросил: "Что это за дело?" – "О повелитель правоверных, нет сомнения, что дела избавляют от нужды спрашивать", – ответил Абу-Новас. А халиф оказал: "О Абу-Новас, я спросил совета у Аллаха великого и назначил тебя кадием сводников". – "А тебе любезно такое назначение, о повелитель правоверных?" – спросил Абу-Новас. "Да", – отвечал халиф. И Абу-Новас спросил: "О повелитель правоверных, нет ли у тебя прошения, которое ты мне предъявишь?" И повелитель правоверных разгневался и, повернувшись, ушел и оставил их, полный гнева. А когда спустилась ночь, повелитель правоверных провел ее в сильном гневе на АбуНоваса, а Абу-Новас провел ночь самым радостным образом, развлекаясь и веселясь.

Когда же настало утро и светило засияло и заблестало, Абу-Новас распустил собрание и отослал юношей. Надев одежду торжеств, он вышел из дома и направился к повелителю правоверных. А повелитель правоверных имел обычай, распустив диван, приходил в приемный зал. Затем он созывал туда поэтов, сотрапезников и музыкантов, и каждый садился на свое место, не преступая его. И случилось так, что в этот день халиф вышел из дивана в зал и призвал своих сотрапезников и посадил их на их места. А когда пришел Абу-Новас и захотел сесть на свое место, повелитель правоверных позвал Масрура-меченосца и велел ему снять с Абу-Новаса одежду, привязать ему на спину ослиное седло, а на голову надеть повод, и на зад подхвостник и водить его по комнатам невольниц..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста восемьдесят третья ночь

Когда же настала триста восемьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных приказал Масруру-меченосцу снять с Абу-Новаса одежду и привязать ему на спину седло и надеть ему на голову повод и на зад подхвостник и водить его по комнатам невольниц и помещениям женщин и другим покоям, чтобы над ним смеялись, а после этого отрубить ему голову и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

привести ее. И Масрур сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И принялся делать то, что велел ему халиф. Он стал водить Абу-Новаса по комнатам (а их было числом столько же, сколько дней в году), я Абу-Новас был смешон, и все, кто его видел, давали ему деньги, так что он вернулся не иначе, как с полным карманом денег. И когда он был в таком положении, вдруг приблизился Джафар Барматоид и вошел к халифу (а он был в отлучке по важному делу повелителя правоверных) и увидал АбуНоваса в таком положении, и узнал его и сказал: "Эй, АбуНовас!" И Абу-Новас ответил: "Это я, о владыка наш!" А Джафар спросил его; "Какой ты совершил грех, что тебе досталось такое наказание?" – "Я не совершил греха, – ответил Абу-Новас, – я подарил владыке халифу прекраснейшие из моих стихов, а он подарил мне прекраснейшую из своих одежд". Услышав это, повелитель правоверных Засмеялся смехом, исходящим из сердца, полного гневом, и простил его и велел дать ему кошелек денег.